

"Дорогой мой, как ты думаешь, правильно ли ты поступил, отпустив его тогда?" - прошептала фигура, не тронутая временем, и голос ее слегка дрогнул.

И хотя она не смогла тогда высказать свои мысли сыну, она отчетливо помнила сцену, как она утешал ее мужа при прощании, зная, что они увидятся только через много лет.

И все же внезапное возвышение сына до должности Премьер-Гармоника потрясло их обоих. Неужели их сын действительно обладал таким исключительным талантом?

Можно было бы ожидать, что семья Серафис, известная своей жаждой власти, будет радоваться этому достижению. Однако ни муж, ни жена не смогли найти в этом ничего радостного: всего через два дня после получения нового титула их сын немедленно начал войну.

Это известие стало толчком, едва не заставившим Анну вскрикнуть. Как можно считать это мудрым решением? Неужели их сын лишился рассудка?

Размышляя о том, что она допустила за эти годы, Анна остановила свои мысли, и слезы потекли по ее лицу. Она прекрасно понимала, какие испытания ему предстоят, но все же допустила это.

Ведь теперь их семья была самой сильной и влиятельной среди всех девяти семей...

Анна с силой ударила себя, заставив Пьера забеспокоиться о ее психическом состоянии.

"Прости меня, Рен. Я никогда не была хорошей матерью... Мне так жаль..."

Она безудержно рыдала, ругая себя за ту роль, которую она сыграла.

Конечно, Пьер и сам чувствовал себя глупо, оттого что поверил сыну. Если Рен сошел с ума от тренировок, то в этом виноват только он.

"Любовь моя, я буду добиваться аудиенции с Реном. Не волнуйся, я сделаю все, что смогу..." - утешал он, заключая ее в объятия, а на его лице отражалось смятение эмоций. Он поклялся быть хорошим отцом, но так ничего и не сделал для выполнения этой роли.

Однако, как всегда, у реальности были свои планы.

"Поверните назад. Прайм-гармоник сильно занят", - объявил один из охранников.

В условиях надвигающейся войны вполне естественно, что лидер был поглощен бумажной работой, связанной с конфликтом. Рен дал четкое указание никого не пускать внутрь, не думая

о том, что его собственный отец нанесет ему неожиданный визит.

"Прайм-гармоник, о котором вы говорите, - мой собственный сын, черт возьми. Если вы еще раз попросите меня уйти, я позабочусь о том, чтобы вы поняли, кто такой Пьер фон Серафис".

Какая нелепая ситуация. Пьер собрал все свои эмоции ради этого момента, а простой охранник посмел ему помешать? Ярость захлестнула его с головой.

Конечно, понимая, что никто не станет случайно называть имя Пьера фон Серафиса, охранник быстро подчинился. Пьеру разрешили войти.

Войдя в покои Прайм-Гармоника, Пьер глубоко вздохнул, прежде чем постучать.

Как ни странно, сцена 666-летней давности словно повторилась в обратном порядке.

"Войдите", - раздался в ответ чистый, лишенный каких-либо эмоций голос. Однако Пьеру он показался удивительно незнакомым, и выражение его лица стало жестким.

Он подчинился, открыл дверь, и перед ним предстало удивительное зрелище.

Он помнил своего сына маленьким ребенком, едва доходившим ему до пояса. Теперь же перед ним, восседаая на царственном троне, возвышалась внушительная фигура, излучающая непреодолимую ауру власти. Пьер чувствовал огромную силу, намного превосходящую его собственную, не оставлявшую сомнений в его превосходстве.

"Мой... сын..."

Но его внимание привлекли глаза сына. Хотя они оставались того же оттенка синего, который он всегда знал, теперь они казались пустыми, лишенными мечты и стремлений, которые когда-то притягивали всех вокруг.

"...Мне... очень жаль..."

Пьер понял. Человек, стоявший перед ним, не был безумцем, он был лишь оболочкой себя прежнего.

Не успел он произнести больше ни слова, как его дрожащий голос захлебнулся слезами, и его остановил сын.

"Почему ты здесь? Я дал понять этим старикашкам, что семью Серафис следует держать подальше от пламени войны".

Его слова прозвучали холодно, отчего сердце Пьера пронзила еще большая боль.

В то время как они радовались силе, которую их сын обрушил на континент, и их статус взлетел выше, легко забыв о его страданиях, он все еще держал свою семью в своих мыслях...

"...Мы... отказались. Семья Серафис... это копье. Если наш господин... больше не нуждается в нем, то отбросьте его".

С трудом подбирая слова, Пьер хотел извиниться любым способом. Но он понимал, что в данный момент это будет лишь еще более жалким поступком. Поэтому он молча поставил Рена перед выбором: отбросить свою семью, которая никогда не была для него источником добра.

"Что ты хочешь этим сказать, отец? Я понимаю твою решимость. Возвращайся и готовь свои силы, хотя я сомневаюсь, что они мне понадобятся".

Слова сына заронили в его душе сомнения, но он отмахнулся от них.

"...Понимаю. Милорд, тогда я так и сделаю".

Поднявшись на ноги, он приготовился к отъезду, не выплеснутые эмоции тяготили его, еще больше отягощая сердце...

Однако перед уходом Прайм-гармоник произнес слова, которые всегда мечтал сказать ему.

"Спасибо, что вырастили меня. Не могу сказать, что я любил семью Серафис, но с течением времени я проникся к ней симпатией. Передай мои слова маме. Пусть она знает, что я тоже люблю ее, ведь благодаря ей я многое узнал об этом мире. И наконец, передай Катрин, чтобы она нашла себе партнера, если еще не нашла, так как я не могу на ней жениться. Но заверь ее, что я питаю к ней определенную привязанность".

Его слова гулко отдавались в тесном кабинете, заставляя Пьера сильно дрожать, пока он силился ответить.

"Я... я понимаю, милорд. Я обязательно передам ваше послание".

Пьер покинул кабинет в состоянии гораздо более плачевном, чем когда он приехал, но улыбка на его лице все же появилась, так как, хотя он и чувствовал, что, возможно, видит сына в последний раз, его сожаление как-то немного ослабло...

После войны прошло пятьдесят лет, и, наконец континент стал по-настоящему единым. Все эти годы я неустанно трудился над стабилизацией и управлением огромными территориями, находящимися под моим командованием.

Мой разум был поглощен бесчисленными проблемами, требовавшими решения, и у меня почти не оставалось времени на общение с семьей. Странно, но я не испытывал никакого желания навещать их, как будто моя цель достигла кульминации и больше ничего не нужно было говорить.

Из окна открывалось зрелище, от которого у многих захватывало дух.

Бескрайние просторы передо мной были заняты миллионами ликующих асур, их голоса звучали слаженным хором чистого блаженства. Их общий клич эхом разнесся по всей земле, отражаясь в воздухе подобно небесной симфонии.

"Прайм-Гармоник Рен!" - приветствовали они, и их пыл и преданность озаряли все вокруг. Казалось, что их радостное торжество было порождено глубоко укоренившимся страхом, опасением, что мир может не заметить моего присутствия на фоне их веселья.

Но среди их радостных криков я не мог не задаться вопросом

"Смогу ли я когда-нибудь испытать такое же счастье?"

Это был риторический вопрос, на который я не ожидал получить ответ.

На меня навалилась усталость, и я ждал сладких объятий дремоты. Однако неожиданное событие нарушило мое уединение. Не спрашивая моего мнения, перед моими глазами материализовалась подсказка Люси.

В душе мелькнуло раздражение, но когда я прочитал содержание сообщения, что-то во мне изменилось.

Безжизненность, которая так долго мучила мой взгляд, мгновенно рассеялась.

Если бы кто-нибудь стал свидетелем этой трансформации, то увидел бы, что мои глаза из темно-синих превратились в яркие голубые.

<http://tl.rulate.ru/book/92207/3128955>